

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ПОЛНОМОЧИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН, СОДЕЙСТВУЮЩИХ УГОЛОВНОМУ ПРАВОСУДИЮ

© 2012 г. Леонид Владимирович Брусницын¹

Краткая аннотация: в статье рассматриваются полномочия должностных лиц в сфере законодательства по обеспечению безопасности граждан, содействующих уголовному правосудию. Автором предпринят анализ актов, составляющих основу этого законодательства: УПК РФ и Федерального закона “О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства”. Сделан ряд предложений по совершенствованию последнего Закона.

Annotation: in article powers of officials in legislation sphere on safety of the citizens promoting criminal justice are considered. The author undertakes the analysis of the certificates making a basis of this legislation: the Criminally-remedial code of the Russian Federation and the Federal law “About the state protection of victims, witnesses and other participants of criminal legal proceedings”. A number of offers on perfection of last Law is made.

Ключевые слова: обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства, государственная защита потерпевших и свидетелей; полномочия должностных лиц в уголовном процессе.

Key words: safety of participants of criminal legal proceedings, the state protection of victims and witnesses; powers of officials in criminal trial.

К вопросу, вынесенному в название статьи, автор обращался еще до появления в России законодательства, призванного обезопасить граждан, действующих в интересах правосудия². В начале XXI в. основу такого законодательства составили УПК РФ (далее – УПК, Кодекс) и Федеральный закон “О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства” от 20 августа 2004 г. (далее – Закон о госзащите потерпевших, Закон).

Вышеназванный вопрос не утратил актуальности, поскольку изначально не получил оптимального законодательного разрешения. Кроме того, в России все больше информации о зарубежном опыте урегулирования рассматриваемого вопроса, который может быть учтен отечественным законодателем. Это и обусловило обращение автора к таким аспектам, как (1) круг субъектов, участие которых необходимо в защите граждан, содействующих правосудию, и (2) распределение полномочий между данными субъектами.

При этом, учитывая допустимый объем статьи, ограничимся рассмотрением названных аспектов применительно только к двум вышеназванным законам.

Сначала – об очерченном круге лиц. Правильное, т.е. криминологически обусловленное, его определение возможно лишь при учете криминологических же характеристик посткриминального воздействия, которому граждан подвергают преступники: во-первых, оно может начинаться задолго до начала уголовного судопроизводства – в ходе предваряющей его оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД); во-вторых, воздействие выражается не только в формах, запрещенных УК РФ, но и в иных деяниях, криминализация которых законодателем пока не предпринята либо объективно невозможна³.

¹ Профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического факультета Московского государственного индустриального университета, доктор юридических наук (E-mail: leo1222@yandex.ru).

² См.: Брусницын Л.В. О компетенции должностных лиц и иных субъектов при обеспечении безопасности граждан, содействующих уголовному правосудию // Гос. и право. 2000. № 2. С. 44–46.

³ На возможность таких форм воздействия обращалось внимание в научных источниках, столкнулись с ними и подразделения, созданные для реализации мер безопасности (см. об этом: Информационно-аналитические материалы и предложения по совершенствованию законодательства в сфере государственной защиты, представленные министерствами и ведомствами. С. 8. Распространены среди участников “круглого стола” по теме: “Совершенствование законодательного регулирования в сфере обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства”, состоявшегося 7 июня 2011 г. в Комитете по безопасности Государственной Думы).

Совокупность этих характеристик требует наделить полномочиями по применению мер безопасности не только субъектов, в производстве которых находятся сообщения о преступлениях и уголовные дела (осуществляющих властную уголовно-процессуальную деятельность), но и должностных лиц, реализующих другие составляющие борьбы с преступностью, в частности руководителей подразделений, осуществляющих ОРД, в отношении конфиденентов и граждан, легально сотрудничающих с данными подразделениями, подобно тому как это сделано, например, в Австралии, Австрии, Великобритании, Канаде, Латвии, Нидерландах и Норвегии⁴. В России же дальше предложений в научных исследованиях распространить сферу применения мер безопасности на ОРД дело не движется.

Определенным субъектам, например судьям и (или) прокурорам, а также администрации мест содержания под стражей и пенитенциарных учреждений, надлежит предоставить право применять меры безопасности вне границ ОРД и уголовного судопроизводства, поскольку посткриминальное воздействие в формах, не запрещенных УК, не влечет ни ОРД, ни уголовного преследования лиц, прибегающих к таким формам воздействия. Наконец, ситуация, когда меры безопасности были применены в ходе судопроизводства и не отменены при его окончании, требует наделить определенных субъектов, очевидно судей, правом отмены мер безопасности впоследствии – по окончании угрозы посткриминального воздействия. К сожалению, указанные факторы в *Законе о госзащите потерпевших* не учтены.

Меньше неразрешенных вопросов в УПК. Один из них – если в соответствии со ст. 163 УПК предварительное следствие осуществляется следственной группой, кто из ее состава вправе принять решение об использовании псевдонима? Представляется, что (с согласия руководителя следственного органа) руководитель группы, учитывая:

во-первых, то обстоятельство, что решение важных процессуальных вопросов в ст. 163 УПК отнесено к компетенции руководителя следственной группы, и, хотя решение об использовании псевдонима прямо не указано среди таковых в ч. 3 и 4 ст. 163 УПК, оно относится к ним, принимая во внимание, что использование псевдонима в досудебном производстве возможно только

с согласия руководителя следственного органа (аргумент, основанный на анализе уголовно-процессуальных норм);

во-вторых, необходимость минимизации круга лиц, в том числе в рамках следственной группы, которым может быть известна личность человека, защищенного псевдонимом (аргумент из сферы криминалистической тактики).

Естественно, следование в практике тому, что применение псевдонима – исключительная компетенция руководителя следственной группы, будет сопряжено с тем, что он же должен будет проводить все следственные и иные процессуальные действия с лицом, защищенным псевдонимом. Вне доступности других членов следственной группы должно находиться и постановление о применении псевдонима – документ, содержащий подлинные сведения о защищенном лице. Принятие организационных мер, обеспечивающих изложенное (определение места хранения указанного постановления и проч.), находится в компетенции руководителя следственной группы, который согласно ч. 3 ст. 163 УПК «организует работу следственной группы».

В этой связи следует обратить внимание на то обстоятельство, что псевдоним применяется для предотвращения угрозы самой жизни гражданина или причинения вреда его здоровью, и, принимая во внимание тяжесть возможных последствий раскрытия личности защищаемого, представляется, что все вышестоящие должностные лица по отношению к субъектам, участвовавшим, в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК в принятии решения об использовании псевдонима, не должны знакомиться с подлинными сведениями о личности защищаемого, хотя нормы УПК и не позволяют сделать вывод, что при осуществлении вышестоящими прокурорами надзора за предварительным расследованием и процессуального контроля за следствием вышестоящими руководителями следственных органов (совокупное количество таких лиц весьма велико) материалы уголовного дела могут предоставляться им не полностью.

По мнению автора, должностные лица, имеющие право доступа к содержанию постановления о предоставлении псевдонима, должны быть прямо указаны в УПК, и круг их должен быть предельно минимизирован⁵ либо по край-

⁴ См.: Рекомендуемые виды практики в области защиты свидетелей при производстве по уголовным делам, касающимся организованной преступности. С. 22 // http://sartraccc.ru/Pub_inter/protwitn.pdf (далее – Рекомендации).

⁵ В настоящее время это можно сделать на уровне ведомственных актов органов, осуществляющих прокурорский надзор и процессуальный контроль.

ней мере существенно сужен подобно тому, как сужен круг прокуроров, осуществляющих надзор за ОРД⁶. Такое предложение сопряжено с ограничением прокурорского надзора и процессуального контроля за предварительным расследованием, однако из решений Европейского Суда по правам человека следует, что гарантиями, достаточными для проверки законности и обоснованности использования псевдонима, является исследование этого вопроса национальным судом первой инстанции при разрешении уголовного дела по существу и иными судами в порядке апелляционного и кассационного производств⁷.

Говоря о полномочиях должностных лиц по использованию псевдонима, мы перешли к вопросам *распределения полномочий* между субъектами в рассматриваемой сфере. Больше всего таких вопросов возникает при обращении к *Закону о госзащите потерпевших*, которым установлен порядок применения *универсальных мер безопасности*: от охраны до переселения защищаемого лица под новым именем. При этом надо учитывать, что за рубежом термином “программа защиты свидетелей”, получившим хождение и в российских источниках, обозначают не все меры безопасности, которые в России вошли в названный *Закон*, а лишь переселение защищаемого и связанные с этим изменение его места работы, учебы, личных документов, в необходимых случаях – и внешности⁸.

Меры же безопасности в виде охраны, временного помещения защищаемого в безопасное место указываются как не относящиеся к “программе защиты свидетелей”⁹. Так же квалифицированы: сопровождение свидетеля в суд, контроль его почты и телефонных звонков, замена телефонного номера свидетеля, установка в его доме систем безопасности (усиленные двери, сигнализация и др.), предоставление электронных предупреждающих устройств и мобильных телефонов с номерами экстренной связи. Предназначение перечисленных мер – в первоначальной “поддержке”

лиц, которые позднее могут быть “включены”¹⁰ в программу защиты¹¹.

Такая последовательность использования мер безопасности установлена и в отечественном *Законе о госзащите потерпевших*: согласно ч. 5 ст. 10 переселение, замена документов и изменение внешности предпринимаются в случаях, если безопасность защищаемого нельзя обеспечить другими мерами¹². Таким образом, в отечественном законодательстве, как и в зарубежном, внутри группы универсальных мер безопасности существуют две подгруппы, последняя из них и есть “программа защиты свидетелей” в том смысле, который придается этому термину за рубежом.

Рассмотрим полномочия должностных лиц по избранию мер безопасности, (1) входящих и (2) не входящих в указанную программу. В соответствии с *Законом о госзащите потерпевших* порядок избрания всех мер безопасности един: согласно ч. 4 ст. 18 меры безопасности избирает орган, наделенный полномочиями по их осуществлению¹³. К таким органам согласно ч. 3 и 4 ст. 3 *Закона* относятся органы внутренних дел и ФСБ России, таможенные органы и органы Роснаркоконтроля РФ – по уголовным делам, находящимся в их производстве или отнесенным к их ведению, а также по делам, находящимся в производстве суда и Следственного комитета РФ.

В отличие от России за рубежом решение о включении либо невключении лица в “программу защиты свидетелей” принимает субъект, не имеющий непосредственного отношения к *реализации* мер безопасности. Например, в США этим занимается Отдел правоприменительных операций (Office of Enforcement Operations) Управления по уголовным делам (Criminal Division) Министер-

¹⁰ Еще один зарубежный термин; означает *принятие решения* о переселении защищаемого лица.

¹¹ См.: Рекомендации. С. 29, 30.

¹² В то же время *Закон* не требует перед переселением пытаться использовать другие меры безопасности, так как возможны ситуации, когда с уверенностью можно сказать: единственный способ спасти человека от посткриминального воздействия – его переселение.

¹³ Исключение – мера безопасности, предусмотренная в п. 1 ч. 2 ст. 14 *Закона*: направление защищаемого и лица, от которого исходит угроза защищаемому, при их задержании, заключении под стражу и назначении уголовных наказаний в разные места содержания под стражей и отбывания наказаний. Эта мера избирается лицом (органом) при составлении протоколов задержания указанных лиц, вынесении постановлений об избрании в отношении них меры пресечения в виде заключения под стражу, при постановлении приговора и указывается в этих актах.

⁶ См.: Приказ Генеральной прокуратуры РФ “Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности” от 15 февраля 2011 г.

⁷ О соответствующих прецедентах ЕСПЧ см.: *Брусницын Л.В.* Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (Процессуальное исследование). М., 2010. С. 315–321.

⁸ См.: Рекомендации. С. 5.

⁹ Там же. С. 21.

ства юстиции¹⁴, в других странах таким субъектом может быть должностное лицо – министр юстиции, генеральный прокурор, комиссар полиции либо *коллегиальный межведомственный орган*¹⁵:

1) специально сформированная группа следователей, которая анализирует ход следствия по уголовным делам, изучает роль свидетеля в уголовном процессе и дает итоговую оценку степени риска для свидетеля, обусловленной его ролью в уголовном процессе (Колумбия);

2) комиссия в составе заместителя государственного секретаря Министерства внутренних дел, двух судей или прокуроров и пяти экспертов по проблемам организованной преступности (Италия)¹⁶;

3) назначенная министром юстиции постоянно действующая комиссия в лице двух сотрудников полиции, прокурора, судьи и представителя пенитенциарной системы (Словакия)¹⁷;

4) комиссия, в которую входят представители прокуратуры и Генеральный директор Федеральной судебной комиссии (Бельгия)¹⁸;

В Германии же, в отличие от названных стран, в принятии соответствующего коллегиального решения участвуют и представители органа, которому предстоит осуществлять меры безопасности¹⁹.

Допускается и российский вариант, когда решение о включении лица в “программу защиты” отнесено к исключительной компетенции специально созданного для ее реализации подразделения. В Австрии это – Служба защиты (*Zeugenschutz*)²⁰, в ЮАР соответствующее решение принимает директор подразделения по защите свидетелей – структуры, относящейся к Национальной прокуратуре, но также специально созданной для реализации мер безопасности²¹.

Каждый из существующих вариантов имеет плюсы и минусы. Коллегиальность в решении вопроса позволяет принять более взвешенное, обоснованное решение о начале “программы защиты свидетелей”, но при этом сведения о защищаемом лице становятся известны большему кругу лиц, что нежелательно. Принятие решения одним субъектом, тем более который будет осуществлять защиту, обеспечит наибольшую степень ее конфиденциальности, однако в этом случае возможно снижение обоснованности решения.

Для России можно предложить компромиссный вариант, а именно: установить коллегиальность при избрании мер безопасности, образующих “программу защиты свидетелей”, внутри каждого из органов, на которые в соответствии с ч. 3 ст. 3 *Закона* возложена ее реализация. Сделать это можно без длительной законодательной процедуры – на уровне ведомственных инструкций, приказов или регламентов руководителей соответствующих федеральных органов (МВД, ФСБ и др.) либо в приказах начальников подразделений, созданных в этих органах для исполнения *Закона* (в МВД это *Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите*), или уже существовавших подразделений, на которые была возложена вышеуказанная функция, например 9-е управление ФСБ РФ.

В соответствующих актах могут быть урегулированы и другие аспекты, связанные с *изменением места жительства*, которые окажутся не урегулированными постановлением Правительства РФ, принятие которого предусматривает ч. 1 ст. 10 *Закона* для установления порядка реализации данной меры безопасности. При этом следует учитывать, что урегулирование одного и того же вопроса в нормативных актах разных ведомств чревато появлением нормативных вариаций, не обусловленных какими-либо объективными факторами. Избежать этого позволит межведомственная координация разработки предлагаемых актов, а идеальный вариант – подготовка межведомственного акта.

Серьезной проблемой, выявившейся в ходе применения *Закона о госзащите потерпевших*, является необоснованность значительного количества решений следователей и других лиц, которым в соответствии с ч. 2 ст. 3 и ч. 2 ст. 18 *Закона* предоставлено право выносить постановления (определения) о применении мер безопасности, во исполнение которых органы МВД и другие структуры избирают конкретные меры. Это не удивительно, поскольку до настоящего времени в российских юридических вузах и в ведомст-

¹⁴ См.: Служба маршалов США: организация, функции, деятельность. М., 1998. С. 11.

¹⁵ См.: Рекомендации. С. 62.

¹⁶ Там же. С. 11, 14.

¹⁷ По информации представителей Словакии на Шестом практическом учебном курсе российских и европейских специалистов по вопросам защиты свидетелей в рамках судопроизводства (13–17 июня 2011 г., Братислава – Вена).

¹⁸ См.: Хоффман Д. Защита свидетелей в Бельгии, структурная схема правового обеспечения // Обеспечение защиты свидетелей, участвующих в противодействии организованной преступности и терроризму. Материалы международного семинара (14–15 июня 2007 г.). М., 2008. С. 29.

¹⁹ См.: Рекомендации. С. 62.

²⁰ По информации представителей Австрии – участников вышеуказанного учебного курса.

²¹ См.: Рекомендации. С. 14, 62.

венных институтах повышения квалификации сотрудников правоохранительных структур Закон о госзащите потерпевших изучается факультативно. Проблема не решится, пока его изучение не будет включено в программы учебных заведений.

Очевидно, необходима и корректировка самого Закона – включение в него норм, дающих возможность органам, которым предстоит осуществлять меры безопасности, участвовать в проверке следователем и другими перечисленными в ч. 2 ст. 18 Закона субъектами оснований для применения мер безопасности. Заметим, что в большинстве стран подразделения, занимающиеся защитой, участвуют в такой проверке²². В связи с изложенным ч. 2 указанной статьи может быть представлена в следующей редакции (здесь и далее новеллы в тексте предлагаемых норм выделены курсивом):

“Суд (судья), прокурор, начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь, получив заявление (сообщение) об угрозе убийства лица, указанного в частях 1–3 статьи 2 настоящего Федерального закона, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества обязаны совместно с органом, осуществляющим меры безопасности, проверить это заявление (сообщение) и в течение десяти суток принять решение о применении мер безопасности в отношении его либо об отказе в их применении.

Орган, осуществляющий меры безопасности, проверяет указанное заявление (сообщение) по письменному поручению суда (судьи), прокурора, начальника органа дознания, руководителя следственного органа, которое направляется в орган, осуществляющий меры безопасности, не позднее 3 часов с момента получения заявления (сообщения) о вышеуказанной угрозе. В ходе проверки орган, осуществляющий меры безопасности, использует полномочия, предусмотренные пунктом четвертым части второй статьи 24 настоящего Федерального закона, и представляет результаты проверки в письменной форме суду (судье), прокурору, начальнику органа дознания, руководителю следственного органа или следователю не позднее чем за 3 часа до истечения срока, в течение которого должно быть принято решение о применении мер безопасности либо об отказе в их применении. При принятии данного решения суд (судья), прокурор, начальник органа дознания, руководитель следственного органа,

следователь должны учитывать результаты проверки, проведенной органом, осуществляющим меры безопасности. Следователь принимает указанное решение с согласия руководителя следственного органа.

Предусмотренная абзацем вторым частью второй настоящей статьи проверка не проводится, если оперативные подразделения органа, на который в соответствии со статьей 3 настоящего Федерального закона может быть возложено осуществление мер безопасности, не наделены правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность.

В случаях, не терпящих отлагательства, суд (судья), прокурор, начальник органа дознания, руководитель следственного органа, следователь с согласия руководителя следственного органа обязаны принять решение о применении мер безопасности незамедлительно, без проверки органом, осуществляющим меры безопасности, заявления (сообщения) о вышеуказанной угрозе.

О принятом решении выносится мотивированное постановление (определение), которое в день его вынесения направляется в орган, осуществляющий меры безопасности, для исполнения, а также лицу, в отношении которого вынесено указанное постановление (определение)”²³.

Не менее важна обоснованность решений об избрании, изменении и дополнении конкретных мер безопасности, т.е. их соразмерность характеру посткриминального воздействия. В этой связи ч. 4 ст. 18 Закона следует изложить так: “Орган, осуществляющий меры безопасности, избирает необходимые меры безопасности, предусмотренные настоящим Федеральным законом, и определяет способы их применения. Об избрании мер безопасности, их изменении и дополнении в соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 24 настоящего Федерального закона выносится мотивированное постановление”.

Есть и другие вопросы, по итогам обсуждения которых возможна корректировка Закона. Например, ч. 6 ст. 18 гласит: при необходимости орган, осуществляющий меры безопасности, заключает с защищаемым лицом договор об условиях их применения, взаимных обязательствах и взаимной ответственности сторон. В добавление к этому п. 13 “Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свиде-

²² Там же. С. 63, 64.

²³ Об аргументах “возвращения” в новелле прокурора в круг лиц, полномочных вынести постановление о применении мер безопасности, см.: Брусницын Л.В. Указ. соч. 358, 359.

телей и иных участников уголовного судопроизводства”²⁴ при проведении операции по изменению внешности защищаемого требует заключить трехсторонний договор между ним, органом, осуществляющим защиту, и соответствующим медицинским учреждением.

Сотрудники же российских органов, осуществляющих защиту, полагают, что договор необходимо заключать в каждом случае применения Закона²⁵. При реализации такой позиции на законодательном уровне следует учесть, что договор не должен повторять условия применения мер безопасности, формулировки взаимных обязательств и ответственности сторон, уже установленные Законом. Смысл договора – в урегулировании вопросов, которые в Законе не отражены, а также в конкретизации (детализации) прав и обязанностей, предусмотренных Законом, и законодателю может быть предложена следующая редакция ч. 6 ст. 18 Закона:

“В соответствии с настоящим Федеральным законом и гражданским законодательством Российской Федерации орган, осуществляющий меры безопасности, заключает с защищаемым лицом письменный договор, в котором стороны конкретизируют предусмотренные настоящим Федеральным законом условия применения мер безопасности, взаимные права и обязанности, могут устанавливать дополнительные права и обязательства сторон в целях осуществления мер безопасности и защиты законных прав и интересов сторон, а также третьих лиц, в частности обязанность защищаемого лица сообщать органу, осуществляющему меры безопасности, сведения о своем семейном положении, находящемся в собственности имуществе, об имеющихся у защищаемого лица гражданско-правовых и иных юридических обязательствах, сведения о возбуждении в отношении защищаемого лица уголовного дела либо административного производства, о привлечении защищаемого лица в качестве обвиняемого, гражданского ответчика в уголовном деле либо в качестве гражданского ответчика в деле, разрешаемом в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства, другие сведения. Договором могут устанавливаться также меры гражданско-правовой

ответственности сторон за нарушение условий договора, основания и порядок его расторжения”.

В России, исходя из действующего законодательства, исполнение договора может стать предметом спора сторон в суде в порядке, предусмотренном ГПК РФ. Автор не рассматривает здесь вопрос о том, нужно ли менять такое положение дел, но данный вопрос может стать предметом обсуждения, учитывая, что в США, например, накопивших значительный опыт в защите свидетелей, не допускается подобных споров в суде. В других же странах, например в Специальном административном районе Китая – Гонконге и в ЮАР это допустимо²⁶. Возможно установление и срединного варианта, предусматривающего рассмотрение жалобы защищаемого лица на неисполнение договора “внутри” ведомства, осуществляющего защиту, с целью исключить распространение информации о различных аспектах защиты за пределами ведомства. Интересны и такие зарубежные детали решения вопроса:

экземпляр договора защищаемого лица хранится не у последнего, а “в безопасном месте подразделением по защите таким образом, чтобы его не могли обнаружить лица, разыскивающие свидетеля”;

договор заключается при включении лица в “программу защиты свидетелей”, предваряющие ее охрана защищаемого и прочие меры применяются без договора: в Латвии – до десяти дней, в Словакии – до трех месяцев, в Италии – столько времени, сколько потребует для принятия решения о включении либо о невключении лица в “программу защиты”²⁷.

Последняя деталь говорит о несовпадении мнений россиян, осуществляющих меры безопасности, и их зарубежных коллег о необходимости заключения договора в каждом случае применения мер безопасности.

Следующий аспект – полномочия должностных лиц по отмене мер безопасности. Как гласит ч. 3 ст. 20 Закона, они отменяются “по постановлению (определению) органа, принявшего решение об осуществлении государственной защиты, либо по постановлению (определению) органа, в производстве которого находится уголовное дело с неотменным постановлением (определением) об осуществлении государственной защиты (т.е. с неотменным постановлением о применении мер безопасности. – Л.Б.)”.

²⁴ Утверждены Постановлением Правительства РФ от 27 октября 2006 г. (в ред. постановления Правительства РФ от 29 октября 2010 г.).

²⁵ См.: Информационно-аналитические материалы и предложения по совершенствованию законодательства в сфере государственной защиты, представленные министерствами и ведомствами. С. 15.

²⁶ См.: Рекомендации. С. 66, 67.

²⁷ Там же. С. 67.

Вопрос: вправе ли меры безопасности отменить прокурор после поступления к нему уголовного дела с обвинительным актом (заключением) до принятия одного из решений, предусмотренных гл. 31 “Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением” и ст. 226 “Решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом” УПК РФ. Ответ зависит от признания того, находится ли в это время²⁸ уголовное дело в производстве прокурора.

В гл. 32 и ст. 226 УПК не указано, что прокурор принимает дело к своему производству, в отличие от ч. 1 и 2 ст. 156 УПК, где принятие такого решения предусмотрено для дознавателя и следователя. Однако формулировка, примененная для дознавателя и следователя, в УПК не используется не только для прокурора, но и для судьи: в соответствии со ст. 227 УПК по поступившему уголовному делу судья выносит постановление о назначении судебного заседания либо предварительного слушания (п. 2 и 3 ч. 1 ст. 227), а по результатам последнего – опять же постановление о назначении судебного заседания (п. 5 ч. 1 ст. 236 УПК). При этом не ставится под сомнение право судьи в ходе предварительного слушания и последующего судебного заседания отменить меры безопасности.

Еще один аргумент: смысл постановлений дознавателя и следователя о принятии дела к производству, а также указанных решений судьи заключается в том, что с принятием этих решений они полномочны принимать по делу все промежуточные и итоговые уголовно-процессуальные решения. Но и прокурор на основании п. 2 ч. 1 ст. 221 и п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК вправе вернуть дело следователю, дознавателю для дополнительного расследования (промежуточное решение); дело, поступившее с обвинительным актом, прокурор может прекратить в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 226 УПК, т.е. принять окончательное решение.

В связи с вышеизложенным следует вывод, что прокурор, в рамках действующей редакции *Закона* лишенный права принимать решения о применении мер безопасности, тем не менее в период действий, предусмотренных гл. 31 и ст. 226 УПК, вправе при наличии к тому оснований отменить меры безопасности в соответствии с ч. 3 ст. 20 *Закона*.

Теперь обратимся непосредственно к установленным в ч. 1 и 2 ст. 20 *Закона* основаниям

отмены мер безопасности, ибо они во многом определяют полномочия должностных лиц. Известен по меньшей мере один случай, когда неразумное поведение защищаемого лица создало угрозу жизни для тех, кто его защищал. Такие ситуации недопустимы, и для их предотвращения следует ч. 1 ст. 20 *Закона* изложить в новой редакции, которая, не расширяя основания отмены мер безопасности, в то же время прямо указывает на вышеуказанную угрозу:

“Меры безопасности отменяются в случае, если устранены основания их применения, указанные в статье 16 настоящего Федерального закона, а также при нарушении защищаемым лицом своих обязанностей, предусмотренных настоящим Федеральным законом или договором, заключенным в соответствии с частью 6 статьи 18 настоящего Федерального закона, если указанное нарушение повлекло угрозу жизни или здоровью лиц, осуществляющих меры безопасности, либо невозможность дальнейшего осуществления мер безопасности вследствие самовольного оставления защищаемым лицом места осуществления мер безопасности, других его действий (бездействия)”.

Требуется новая редакция и ч. 7 ст. 20 *Закона*, которая в настоящее время гласит, что “суд (судья) при постановлении приговора по уголовному делу выносит определение (постановление) об отмене мер безопасности либо о дальнейшем применении указанных мер”.

Здесь законодатель не учел, что судье (суду) этот вопрос необходимо решить и при прекращении уголовного дела: по результатам предварительного слушания (согласно п. 4 ч. 1 ст. 236, ч. 1 и 2 ст. 239 УПК), при производстве по делу в первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях²⁹, а также при окончании судебного производства постановлением о применении принудительных мер воспитательного и медицинского характера (в соответствии со ст. 427 и 443 УПК). Решить указанную альтернативу предстоит также дознавателю и следователю по окончании предварительного расследования прекращением дела (ч. 1 ст. 212 УПК), прокурору – по прекращении им уголовного дела в случаях, предусмотренных: п. 3 ч. 1 ст. 226 – по рассмотрении дела, поступившего к прокурору с обвинительным актом, и п. 3 ч. 5 ст. 439 УПК – по поступлении к нему дела с постановлением следователя о направлении дела в суд для применения принудительных

²⁸ Длительностью от 2 до 30 суток (согласно ч. 1¹ ст. 221 и ч. 1 ст. 226 УПК).

²⁹ В соответствии с ч. 7 ст. 246, п. 2 ч. 3 ст. 367, п. 2 ч. 1 ст. 378 и п. 2 ч. 1 ст. 408 УПК.

мер медицинского характера. Изложенное позволяет предложить новую редакцию ч. 7 ст. 20 Закона:

“Начальник органа дознания, руководитель следственного органа, следователь, прокурор, судья (суд) при прекращении уголовного дела выносят постановление (определение) об отмене мер безопасности либо о дальнейшем их применении. Указанное постановление (определение) судья (суд) выносит также при постановлении приговора по уголовному делу, при принятии решения о применении принудительных мер воспитательного и медицинского характера. Копия постановления (определения) об отмене мер безопасности либо о дальнейшем их применении направляется в орган, осуществляющий меры безопасности, и лицу, в отношении которого вынесено постановление (определение)”.

В Законе не урегулирован и порядок отмены мер безопасности после окончания производства по делу, что чревато нарушениями прав граждан. Так, по окончании производства по делу постановлением судьи Верховного суда Республики Марий Эл 11 февраля 2009 г. было удовлетворено ходатайство органа, осуществлявшего меры безопасности, об их отмене. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ данное постановление отменено, поскольку помимо того, что судья не выяснил, устранены ли обстоятельства, послужившие основанием применения мер безопасности, постановление им было вынесено не в судебном заседании, в отсутствие представителя органа, осуществлявшего защиту гражданина, и самого гражданина, которые не были извещены о времени и месте рассмотрения вышеуказанного ходатайства и потому не имели возможности изложить суду свою позицию. Судебная коллегия указала также, что ходатайство следовало рассмотреть в порядке, предусмотренном ст. 396, 397, 399 УПК. Данные обстоятельства обусловили признание вышеуказанного постановления незаконным и необоснованным как вынесенного с нарушением уголовно-процессуального закона и передачу материалов судебного производства на новое рассмотрение в тот же суд³⁰.

В связи с изложенным ст. 20 Закона следует дополнить новой ч. 8:

“По окончании производства по уголовному делу при наличии оснований для отмены мер безопасности они отменяются судом (судьей),

вынеся определение (постановление) о дальнейшем применении мер безопасности в случаях, предусмотренных частью 7 настоящей статьи. При осуществлении мер безопасности в месте, на которое не распространяется юрисдикция данного суда (судьи), а также если применение мер безопасности было продолжено при прекращении уголовного дела постановлением начальника органа дознания, руководителя следственного органа, следователя или прокурора, меры безопасности отменяются судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня по месту осуществления мер безопасности.

Указанные в настоящей части судьи рассматривают ходатайство органа, осуществляющего меры безопасности, об их отмене, а также заявление защищаемого лица, указанное в части 2 статьи 20 настоящего Федерального закона, в порядке, предусмотренном частями 6 и 7 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в присутствии представителя органа, заявившего ходатайство об отмене мер безопасности, и защищаемого лица либо его представителя. Неявка данных лиц, своевременно извещенных о судебном заседании, не препятствует разрешению судом указанного ходатайства или заявления. Копия постановления об отмене мер безопасности либо о дальнейшем их применении направляется в орган, осуществляющий меры безопасности, и лицу, в отношении которого вынесено постановление”³¹.

Изложение ч. 8 ст. 20 в предложенной редакции потребует новую редакцию и для ч. 3 этой статьи:

“Отмена мер безопасности допускается только по постановлению (определению) органа, принявшего решение об осуществлении государственной защиты, либо по постановлению (определению) органа, в производстве которого находится уголовное дело с неотмененным постановлением (определением) об осуществлении государственной защиты, либо судами, указанными в части восьмой настоящей статьи”.

Далее, по мнению автора, ст. 3 Закона следует дополнить новыми частями 5 и 6 (части же 5–7 ст. 3 в действующей редакции считать, соответственно, частями 7–9):

“5. Меры безопасности в отношении защищаемых лиц по уголовным делам, находящимся

³⁰ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 марта 2009 г.

³¹ В предлагаемой новелле, в отличие от Определения Судебной коллегии, нет ссылки на ст. 396 и 397 УПК, так как соответствующие вопросы урегулированы непосредственно в данной новелле.

в производстве органов Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации, органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы, осуществляются органами внутренних дел Российской Федерации, расположенными по месту нахождения защищаемого лица.

6. Меры безопасности в отношении защищаемых лиц по уголовным делам, находящимся в производстве начальников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, командиров воинских частей, соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов, если эти меры безопасности подлежат осуществлению за пределами перечисленных в настоящей части учреждений и организаций, осуществляются органами внутренних дел Российской Федерации, расположенными по месту нахождения защищаемого лица”.

Необходимость приведенных новелл обусловлена тем, что в соответствии с ч. 1 ст. 40 УПК к органам дознания отнесены органы ФССП, Госпожнадзора, командиры воинских частей и соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов, а также органы, правомочные осуществлять ОРД, т.е. оперативные подразделения ФСИН³². Согласно ч. 2 ст. 40, ч. 3 ст. 151 и ст. 157 УПК органы ФССП и Госпожнадзора осуществляют дознание по делам, перечисленным, соответственно, в п. 4 и 6 ч. 3 ст. 151 УПК; командиры (начальники) вышеназванных воинских структур, начальники учреждений и органов ФСИН возбуждают ряд уголовных дел (указаны в п. 4 и 5 ч. 2 ст. 157 УПК) и производят по ним неотложные следственные действия.

При этом соответствующие должностные лица перечисленных структур, являясь начальниками органа дознания, вправе согласно ч. 2 ст. 3 и ч. 2 ст. 18 Закона выносить постановления о применении мер безопасности, но направлять их для исполнения некому, поскольку в ч. 3 ст. 3 Закона установлено: меры безопасности осуществляет то же ведомство, к которому принадлежит начальник органа дознания, вынесший вышеуказанное постановление. Органы же ФССП, ФСИН, Гос-

пожнадзора и органы военного управления в ч. 3 ст. 3 Закона не указаны.

Правда, в ч. 5 и 6 ст. 3 Закона командование воинских частей и учреждения ФСИН указаны как субъекты, также осуществляющие меры безопасности, но это не решает проблему: смысл приведенного установления состоит в привлечении названных субъектов к обеспечению безопасности определенных категорий граждан – военнослужащих и лиц, находящихся в следственных изоляторах, местах отбывания наказаний. Круг же лиц, которые могут нуждаться в защите от посткриминального воздействия при осуществлении военным командованием и учреждениями ФСИН уголовно-процессуальной деятельности, шире. Это, например, свидетели – невоеннослужащие и сотрудники СИЗО, нуждающиеся в защите по месту жительства. Учитывая изложенное, автором и предложена новая редакция ч. 5 и 6 ст. 3 Закона.

Следующий аспект – Законом не предусмотрено приостановление осуществления мер безопасности в случаях, когда временно прекращается опасность посткриминального воздействия вследствие нахождения защищаемого за рубежом, на стационарном лечении и других обстоятельств. Приостановление мер безопасности позволит не растрачивать ресурсы органов, осуществляющих защиту. Поэтому предлагается дополнить Закон двумя корреспондирующими новеллами:

ч. 1 ст. 23 дополнить пунктом 4¹, предусматривающим право защищаемого: “обращаться с заявлением в орган, осуществляющий меры безопасности, о приостановлении их осуществления в случае, предусмотренном пунктом 1¹ части 2 статьи 24 настоящего Федерального закона, а также о возобновлении мер безопасности”;

ч. 2 ст. 24 Закона, содержащую перечень прав органов, осуществляющих меры безопасности, дополнить пунктом 1¹ следующего содержания: “1¹) приостанавливать по заявлению защищаемого лица осуществление избранных мер безопасности, если вследствие отсутствия защищаемого лица по месту осуществления этих мер либо других обстоятельств временно отсутствуют предусмотренные частью первой статьи 16 настоящего Федерального закона основания для применения мер безопасности, а также возобновлять меры безопасности. При производстве по уголовному делу копии постановлений о приостановлении и о возобновлении мер безопасности незамедлительно направляются органу, принявшему решение об осуществлении государственной защиты, либо органу, в производстве которого находится уголовное дело с неотменным по-

³² В соответствии с ч. 1 ст. 40 УПК, относящей к органам дознания структуры, осуществляющие ОРД, органами дознания являются также оперативные подразделения ФСО и СВР, поскольку согласно ст. 13 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” от 13 августа 1995 г. они проводят ОРД. Однако применительно к ФСО и СВР вопрос не рассматривается, так как в УПК они не указаны среди субъектов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность в качестве органов дознания.

становлением (определением) об осуществлении государственной защиты”.

Как уже было отмечено, полномочия должностных лиц в определенной степени являются производной от оснований применения мер безопасности. В качестве таковых в ч. 1 ст. 16 Закона указаны “данные о наличии реальной угрозы убийства лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве”. Такие угрозы подлежат оценке не только для установления оснований применения мер безопасности, но и с целью установления оснований для возбуждения уголовного дела. Поэтому следователь и другие перечисленные в ч. 2 ст. 3 и ч. 2 ст. 18 Закона субъекты, правомочные возбудить уголовное дело (далее для краткости будем называть только следователя), давая оценку указанным угрозам, обязаны решить два вопроса: о наличии оснований для применения мер безопасности и для возбуждения уголовного дела. Возможные итоги такой оценки:

Первый вариант: выносятся два постановления: (1) о применении мер безопасности в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 18 Закона, и (2) о возбуждении уголовного дела в порядке ст. 146 УПК – в случае, если следователь установит основания для применения мер безопасности и возбуждения уголовного дела.

Второй вариант: выносятся два постановления: (1) об отказе в применении мер безопасности – в порядке, предусмотренном той же частью ст. 18 Закона, и (2) об отказе в порядке ст. 148 УПК РФ в возбуждении уголовного дела, если следователь не установит оснований для обоих уголовно-процессуальных решений.

На этом изложение вариантов можно было бы закончить, если руководствоваться буквальным (текстуальным) толкованием ч. 1 ст. 16 Закона, т.е. признать, что основания применения мер безопасности и возбуждения уголовного дела совпадают и сводятся к угрозам, запрещенным УК. Но, как уже было отмечено в начале статьи, формы посткриминального воздействия шире деяний, запрещенных УК. Игнорирование этого обстоятельства чревато оставлением без защиты граждан, нуждающихся в ней.

Пример. Жительница г. Павловска Нижегородской области Ф. и ее сын, признанный потерпевшим, неоднократно обращались в следственные органы с заявлениями об оказании на них “систематического психологического давления” с целью склонить сына к отказу от уголовного преследова-

ния обвиняемого. Реакции со стороны следствия эти заявления не вызвали. Лишь по ходатайству Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации прокуратурой Нижегородской области Павловскому городскому прокурору было поручено провести проверку изложенных в заявлениях обстоятельств в порядке ст. 144 УПК (в тот период прокурор обладал соответствующим правом). Проверка свелась к выяснению оснований для возбуждения уголовного дела, и вследствие их отсутствия в возбуждении уголовного дела было отказано. При этом меры безопасности в отношении заявителей применены не были³³, очевидно, по причине того, что правоприменитель не различал основания для применения мер безопасности и возбуждения уголовного дела.

Здесь следует заметить, что к угрозам, квалифицированным в ч. 2 ст. 16 Закона в качестве оснований применения мер безопасности, в ч. 2 ст. 18 добавлена угроза “иного опасного противоправного деяния”, наличие которой также обязывает следователя рассмотреть вопрос о применении мер безопасности. Можно предположить, что законодатель предпринял это с целью расширить основания применения мер безопасности, но в каких пределах? Указание в ч. 2 ст. 18 Закона на угрозу “противоправного” деяния ограничивает поиск таких угроз в других помимо УК законах, но в каких? И как определить, что существует угроза именно “опасного” противоправного деяния, если в законодательстве нет ни определения, ни перечня таких деяний. Возможно, в решении этих вопросов законодатель полагался на правоприменителя, но содержание ч. 2 ст. 18 Закона в указанной части может лишь дезориентировать в вопросе оснований применения мер безопасности, и высказываются самые разные мнения: от признания в “опасных противоправных деяниях” преступлений³⁴ до вывода о том, что к таким деяниям относятся административные правонарушения³⁵.

³³ См.: Васильев Н.В. Процессуальные вопросы защиты свидетелей при расследовании уголовного дела // Обеспечение защиты свидетелей, участвующих в противодействии организованной преступности и терроризму. Материалы международного семинара (14–15 июня 2007 г.). М., 2008. С. 46.

³⁴ См.: Саморока В., Бекетов М. Принятие следователем решения о применении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2011. № 1. С. 72.

³⁵ См.: Гребенчикова Л.А. Уголовно-процессуальная деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 26.

Правда, автор последнего мнения не привела в подтверждение сказанному ни одного административного деликта. Возможно, она имела в виду ст. 20.1. КоАП РФ, предусматривающую ответственность за мелкое хулиганство, сопряженное с “оскорбительным приставанием к гражданам”, “уничтожением или повреждением” их имущества. Но если эти действия совершены с целью принудить, например, свидетеля к уклонению от дачи показаний, то деяние следует квалифицировать не по ст. 20.1. КоАП РФ, а по ч. 2 ст. 309 УК РФ. Если же указанные действия предприняты из мести за уже данные свидетелем показания, эта ситуация также разрешается без обращения к ссылке в ч. 2 ст. 18 Закона на угрозу “опасного противоправного деяния”. В этом случае применение мер безопасности в отношении свидетеля (для предотвращения повторного воздействия на него) возможно в соответствии с основаниями, предусмотренными в ч. 2 ст. 16 Закона, и независимо от того, будет ли совершившее административный деликт лицо привлечено к ответственности по ст. 20.1. КоАП РФ.

Действительной проблемой в применении Закона является использование преступниками таких форм посткриминального воздействия, которые не запрещены ни УК, ни какими-либо иными законодательными актами, т.е. форм воздействия, не являющихся “противоправными”³⁶. Поэтому при применении Закона не следует руководствоваться текстуальным (буквальным) толкованием ч. 2 ст. 16, т.е. не надо сводить основания применения мер безопасности к угрозам, запрещенным УК, или пытаться понять ничего не значащую в рамках действующего законодательства фразу: “опасные противоправные деяния”.

Следует же руководствоваться *распространительным* толкованием ч. 2 ст. 16 Закона, когда ее действительное содержание понимается несколько шире, чем ее словесная формулировка³⁷, т.е. меры безопасности должны применяться при наличии достаточных оснований полагать, что лицам не только угрожают, но и **могут** угрожать убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества, а также совершением **иных деяний** с целью заставить отказаться от осуществления уголовно-процессуальных прав и обязанностей либо из мести за

их осуществление. Именно такое толкование корреспондирует характеристикам посткриминального воздействия и позволяет предотвращать все его формы.

К выводу о несовпадении оснований для возбуждения уголовного дела и применения мер безопасности, предусмотренных *Законом*, приводит и следующее обстоятельство: решения о возбуждении дела и о применении мер безопасности принимаются в рамках разных уголовно-процессуальных институтов. Первым на данное обстоятельство обратил внимание Н.В. Васильев, а именно: возбуждение уголовного дела – это реакция на уже, как правило, совершенное деяние, запрещенное УК; предназначение же мер безопасности – в превенции возможного деяния, к тому же, добавим, не обязательно запрещенного Уголовным законом.

В связи с изложенным Н.В. Васильевым верно отмечена общность решений о применении мер безопасности, предусмотренных *Законом*, и мер пресечения, избираемых в отношении подозреваемого, обвиняемого в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК ввиду их возможных угроз в адрес других участников процесса: применение мер безопасности и мер пресечения по указанному основанию не влечет обязательного возбуждения уголовного дела в отношении подозреваемого, обвиняемого³⁸. Объяснение этому: меры пресечения, применяемые по указанному основанию, – тоже меры безопасности, как и предусмотренные *Законом о госзащите потерпевших*, и основания применения этих двух групп мер безопасности, будучи, по сути, едиными, не совпадают (шире) с основаниями для возбуждения уголовного дела.

Итак, с одной стороны, применение мер безопасности обеих групп не обязательно сопряжено с возбуждением уголовного дела в отношении лица, защите от которого эти меры служат, с другой – отсутствие оснований для возбуждения уголовного дела не исключает применения мер безопасности. Поэтому помимо двух вышеуказанных вариантов принятия уголовно-процессуальных решений есть и **третий** вариант, заключающийся в вынесении следователем двух постановлений: (1) о применении мер безопасности и в то же время (2) об отказе в возбуждении уголовного дела.

Кроме того, деятельность следователя, осуществляемая в рамках ст. 144 “Порядок рассмотрения сообщения о преступлении” УПК, может завершиться не постановлением о возбуждении либо об отказе в возбуждении дела, а согласно

³⁶ Подробнее о таких формах воздействия и необходимости корреспондирующих им оснований применения мер безопасности см.: Брусницын Л.В. Указ. соч. С. 49–52.

³⁷ О видах толкования правовых норм см., в частности: Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.А. Сухарев. М., 1987. С. 474.

³⁸ См.: Васильев Н.В. Указ. соч. С. 47.

п. 3 ч. 1 ст. 145 Кодекса передачей сообщения о посткриминальном воздействии по подследственности³⁹ либо (по уголовным делам частного обвинения) в суд. При этом, исходя из содержания ч. 2 ст. 18 Закона, такая передача не освобождает следователя от обязанности принять по заявлению о посткриминальном воздействии постановление о применении либо об отказе в применении мер безопасности.

Возникает и такой вопрос: может ли следователь вынести постановление о применении либо об отказе в применении мер безопасности без вынесения постановления о возбуждении, об отказе в возбуждении дела и без передачи сообщения о посткриминальном воздействии по подследственности или в суд. Учитывая, что основания применения мер безопасности шире оснований для возбуждения дела, такой – **четвертый** вариант возможен – при условии, что рассматриваемое следователем сообщение или иной источник информации о посткриминальном воздействии не является одним из поводов для возбуждения дела, перечень которых установлен в ч. 1 ст. 140 УПК, т.е. **не является** заявлением о преступлении, явкой с повинной⁴⁰, сообщением о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников, постановлением прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Именно при проверке перечисленных документов следователь в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК обязан принять одно из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 145 УПК (возбудить уголовное дело, отказать в его возбуждении, передать сообщение о преступлении по подследственности). Иначе говоря, одно из этих решений Кодекс обязывает принять по итогам проверки сообщения о преступлении. Но сообщение не будет таковым,

если оно содержит информацию о формах посткриминального воздействия, которые априори не требуют проверки, запрещено ли деяние УК РФ. Не требует такой проверки сообщение о том, что военнослужащего, сотрудничающего со следствием, сослуживцы превращают в изгой одним лишь демонстративным нежеланием общаться с ним⁴¹. В то же время в данной ситуации очевидна необходимость применения мер безопасности, предусмотренных п. 1–3 ч. 2 ст. 14 Закона: командирования в другую воинскую часть или перевода на новое место службы лица, подлежащего защите, либо военнослужащих, которые представляют для него потенциальную опасность и способны перейти к преступным формам посткриминального воздействия.

Вернемся к **первому и второму** вариантам принимаемых решений, так как надо отметить, что оба варианта применимы к случаю, если рассматривается сообщение о посткриминальном воздействии, осуществляемом *иными* лицами, но не подозреваемым или обвиняемым (для краткости далее будем называть только обвиняемого). Если же сообщается о посткриминальном воздействии со стороны обвиняемого, то по сообщению не требуется выносить постановления о возбуждении либо об отказе в возбуждении дела, поскольку указанная информация подлежит проверке в ходе существующего уголовного дела.

При этом если посткриминальное воздействие обвиняемого выражено в запрещенных УК РФ формах, оно подлежит доказыванию согласно п. 1–7 ч. 1 ст. 73 УПК и при успехе следствия приведет к квалификации деяний обвиняемого по соответствующим статьям УК РФ. Если воздействие не запрещено УК РФ, оно, тем не менее, на основании п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК также подлежит доказыванию – как обстоятельство, характеризующее (в данном случае отрицательно) личность обвиняемого, причем не только в случаях, когда воздействие осуществляется им самим, но и иными лицами по инициативе или с согласия обвиняемого. Кроме того, доказанное посткриминальное воздействие в незапрещенных УК РФ формах есть не что иное, как косвенное

³⁹ В соответствии с ч. 6 ст. 151 УПК следствие по уголовным делам о некоторых преступных формах воздействия, например предусмотренных ч. 2–4 ст. 309 УК, будет проводить следователь того же органа, к чьей подследственности относится преступление, в связи с которым посткриминальное воздействие осуществляется. В этих случаях передачи сообщения по подследственности не будет, но она потребуется, когда, например, при производстве по уголовному делу о разбое, расследование которого согласно п. 3 ч. 2 ст. 151 УПК находится в компетенции следователя органов внутренних дел, посткриминальное воздействие выразилось в убийстве очевидца преступления, т.е. в деянии, предусмотренном п. “к” ч. 2 ст. 105 УК, которое в п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК отнесено к подследственности следователя Следственного комитета РФ.

⁴⁰ При явке с повинной человек может сообщить также о лицах, предпринимающих либо намеревающихся предпринять посткриминальное воздействие.

⁴¹ На такое воздействие указали 50% из 192 работников военных прокуратур и судов, опрошенных автором. Как следствие, среди военнослужащих более 85% жертв насильственных преступлений не сообщают о случившемся из-за боязни не только физической расправы, но и угрозы клейма стукача; 88% таких потерпевших заявили, что после того, как о насилии стало известно командованию и правоохранительным органам, они испытали бойкот сослуживцев (см.: Мацкевич И.М., Эминов В.Е. Преступное насилие среди военнослужащих. М., 1994. С. 58, 60).

доказательство, которое наряду с иными доказательствами служит установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п. 1 и 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Посткриминальное воздействие в формах, запрещенных УК РФ, обвиняемый может предпринимать *в соучастии* с иными лицами. В этом случае преступная деятельность всей группы расследуется в рамках существующего уголовного дела.

Если же в ходе производства по уголовному делу поступила информация о воздействии, которое иные лица осуществляют *без соучастия* с обвиняемым, проверка такой информации возможна в рамках существующего дела, и при установле-

нии *преступного* характера воздействия должно следовать выделение уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 154 УПК РФ, либо материалов уголовного дела в отдельное производство в соответствии со ст. 155 УПК РФ. При этом, если преступное посткриминальное воздействие квалифицируется по ст. 309 УК РФ, согласно ч. 6 ст. 151 УПК РФ следствие по уголовному делу о таком воздействии должен осуществлять следователь того же органа, в производстве которого находится первое уголовное дело⁴².

⁴² О других аспектах полномочий должностных лиц в рассматриваемой сфере см.: Брусницын Л.В. Обжалование решений и действий (бездействия) должностных лиц в сфере обеспечения безопасности участников уголовного процесса // Гос. и право. 2011. № 8. С. 35–43.